Да, Левъ Толстой—это сама наша первобытная стихія, съ ея раскрытыми и нераскрытыми задатками, со всѣмъ ея хаосомъ и мощью. Она получаетъ несравненное выраженіе въ его художественномъ творчествѣ, но лишь потому, что жила въ немъ самомъ. И потому самъ онъ производилъ совершенно особое впечатлѣніе: въ немъ было нѣчто глубинное, потустороннее, но это была потусторонность не божественнаго міра, а природной души, великаго Пана... Можно ли выразить въ словѣ наши чувства при утратѣ Толстого, когда едва ли не съ молокомъ матери начали мы всасывать въ себя тѣ самые органическіе соки, проводникомъ которыхъ было и его творчество, когда оно близко и неотдѣлимо отъ насъ, какъ семья, какъ родина, какъ родная природа. Поэтому немного найдется русскихъ людей, которые не имѣли бы въ себѣ частицы Толстого, даже его не зная.

Однако въ живой индивидуальности генія эти стихійныя начала народной души соединились совершенно особеннымъ образомъ и въ этой неповторяемости дали того Толстого, котораго знаетъ весь міръ. Если бы онъ остался только художникомъ, и тогда онъ принадлежалъ бы къ величайшимъ писателямъ всѣхъ временъ и народовъ. Но вліяніе его и слава опираются теперь прежде всего на религіозную его проповѣдь, которая находится въ несомнѣнномъ и явномъ антагонизмѣ съ его художественнымъ творчествомъ. Подобно Гоголю и Достоевскому, Толстой всю свою писательскую дѣятельность подчинилъ интересамъ религіи. И здѣсь обнаружилась въ немъ уже христіанская стихія русской души, исканіе „единаго на потребу“, жажда вѣчности и Бога. Въ Толстомъ мы имѣемъ предъ собой колоссальной важности историческій фактъ, полный глубочайшаго смысла: величайшій геній эпохи, притомъ не только своего народа, но и всего человѣчества, все напряженіе своихъ силъ отдаетъ исканію религіознаго смысла жизни, приноситъ на алтарь религіи. И эта борьба великаго духа за религіозныя цѣнности исполняетъ невольнымъ трепетомъ сердца во всемъ мірѣ, будитъ отъ религіознаго сна отяжелѣвшія имъ души. Такъ клекотъ орловъ въ синевѣ небесъ, такъ крики проносящихся высоко надъ нами птицъ пробуждаютъ въ душѣ тоскующее, безпокойное чувство, зовутъ съ собою въ высь, о чемъ-то напоминаютъ. Толстой стоитъ предъ міромъ, какъ живой символъ религіозныхъ исканій, какъ свидѣтель религіи, въ нашу эпоху небывалаго тор-